

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

О. Н. Олейникова

Воронежский институт МВД Российской Федерации

Поступила в редакцию 22 февраля 2023 г.

Аннотация: статья посвящена функционированию в автобиографических текстах М. И. Цветаевой иноязычных вкраплений разных типов и разрядов. Определены языки-источники этого речевого явления. Сделан анализ обнаруженных иноязычных вкраплений по соотношению с системами контактирующих языков и связанности с национально-культурной спецификой текстов.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, национально-культурная специфика текста, классификация иноязычных вкраплений, особенности функционирования иноязычных вкраплений в текстах М. И. Цветаевой.

Abstract: the article is devoted to the functioning of foreign language inclusions of different types and categories in M. I. Tsvetaeva's autobiographical texts. The source languages of this speech phenomenon have been identified. The analysis of the detected foreign-language inclusions in relation to the systems of contacting languages and their connection with the national-cultural specifics of texts is made.

Keywords: foreign-language inclusions, national-cultural specificity of the text, classification of foreign-language inclusions, features of the functioning of foreign-language inclusions in the texts of M. I. Tsvetaeva.

Рассмотрение иноязычных вкраплений (далее ИВ) в автобиографической прозе великого русского поэта М. И. Цветаевой вызвано несколькими причинами. Во-первых, проза этого автора уникальна. Литературоведы отмечают, что ее невозможно разделить на жанры, так как ощущение внутренней свободы и своеобразный взгляд поэта на действительность, несомненно, привели к жанровому смешению [1]. Цветаева в 20-е годы утратила свои дневники, заметки, воспоминания и поставила перед собой задачу восстановить эти тексты, настолько ей были дороги люди, встреченные ею на жизненном пути [1]. Цель этого М. И. Цветаева определила так: «Я хочу воскресить тот мой мир — чтобы все они не даром жили — и чтобы я не даром жила!» [2, 323]. Многого восстанавливалось в эмиграции, то есть в иноязычной среде, пребывание в которой влияет на ввод ИВ в тексты всех стилей. Возможно, автобиографические произведения по сравнению с утраченными вариантами добавлялись какими-то деталями. Во-вторых, вся проза Цветаевой автобиографична. Складывается впечатление, что о чем бы она ни писала, она пишет о себе. И М. И. Цветаева писала только о том, что лично видела и слышала. В прозе нет вымышленных персонажей. Реальные люди со страниц ее текстов по большей части известны читающей публике страны. И творила она прежде всего для людей своего круга (поэтов, писателей и т.п.), для них и о них. А триединство «автор — персонаж — читатель» влияет на наличие/отсутствие ИВ в текст [3, 4].

Кроме того, не все аспекты функционирования ИВ в прозе М. И. Цветаевой исследованы. Немецкие вкрапления исследовал и описал Е. А. Чигирин [5]. Но кроме них в автобиографических текстах есть вкрапления из других языков, которые тоже требуют изучения. В структуре русских предложений определенных типов синтаксическое функционирование ИВ прозы Цветаевой описано О. П. Пучиной [6]. ИВ, введенные М. И. Цветаевой в тексты художественного стиля, приведены в словаре языка русской поэзии XX в. как факт речи русскоязычных людей Серебряного века. [7, 8] Но все же проза М. И. Цветаевой, в том числе автобиографическая, обойдена вниманием ученых в плане исследования имеющихся в ней ИВ.

Теоретическую основу изучения такого речевого явления, как ИВ, создала воронежский профессор-филолог Ю. Т. Листрова-Правда, определившая, что иноязычными вкраплениями нужно считать слова, словосочетания, фразы, отрывки текста, тексты на иностранном языке, включенные в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [9, 10]. Этому ученому принадлежат и две классификации ИВ (по их соотношению с системами контактирующих языков и по их связанности с национально-культурной спецификой текста, в который введены ИВ). Их анализ с помощью этих двух классификаций дает оптимальные результаты исследований, позволяя рассмотреть вкрапления с разных сторон. Обнаруженные в исследованном материале ИВ тоже «пропущены» через эти две классифи-

кации. Первая из двух указанных классификаций дала возможность систематизировать ИВ, выявить степень их ассимилированности и способы их ввода в тексты. Вторая классификация дала возможность рассмотреть текст прежде всего как произведение речи, в данном случае полилингва, а также обратить внимание на особенности ИВ с точки зрения национально-культурной специфики содержания текста.

Материал для анализа собран методом сплошной выборки. Частотность ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой очень высока (одно-два вкрапления на страницу текста обычного формата). Так же высока частотность ИВ в текстах разговорно-бытового стиля И. А. Бунина, значительный период творчества и жизни которого, как и Цветаевой, пришелся на эмиграцию. Пребывание в иноязычной среде увеличивает число вкраплений в текст, особенно разговорно-бытового стиля [3].

Такая высокая частотность, без сомнения, связана и с полилингвизмом поэта. Сама Цветаева, отвечая на вопросы анкеты, пишет, что училась в католических пансионах в Швейцарии, в шестнадцать лет прослушала курс старинной французской литературы в Сорбонне, поменяла несколько московских гимназий (везде изучались иностранные языки). В 11 лет написала первое сочинение на французском языке. Стихи писала не только по-русски, но и по-немецки и по-французски [12, 6–9]. С матерью иногда разговаривала по-немецки, причем та переходила на немецкий, когда была недовольна дочерью, о чем пишет М. И. Цветаева, например, в воспоминаниях «Мать и музыка».

ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой невелики по объему, если сравнивать с текстами XIX века [9, 10]. Чаще всего в текстах Цветаевой обнаруживаются вкрапления из французского и немецкого языков. На порядок меньше вкраплений из английского, итальянского. Небольшое число вкраплений из испанского, латинского языков. Единичны вкрапления из греческого, чешского, татарского языков.

Анализ ИВ, введенных автором в тексты автобиографических произведений, показал следующее. Цветаева включила в эти тексты полные вкрапления. «Полное иноязычное вкрапление — это слово или словосочетание в иноязычном оформлении, с иноязычной семантикой, полное вытеснение основной модели, т.е. прямая вставка в русский текст отрезка текста на иностранном языке» [10, 13]. Полные ИВ не включены в синтаксические связи с другими членами русского предложения. Например: «...по ночам ходит сторож с доской и поет: «Gué, bon gué! a frappé dix heures!» — и все тушат огни...» [2, 42]. Полные вкрапления из разных языков в исследованных текстах представляют собой в том числе библионимы. Например: «Начинается как глава настольного романа всех наших бабушек и матерей — «Jane Eyre» — Тайна красной комнаты» [2, 3]. Одну из своих работ

Цветаева называет французским вкраплением — «Intoxiqués». [12, т. 2, с. 400] Особенностью прозаических текстов Цветаевой является то, что в отличие от авторов своего круга, например О. Э. Мандельштама и высоко ценимой ею А. А. Ахматовой, Цветаева вводит в тексты большие по объему вкрапления [4, 13]. Значительно и их количество. Например, в произведении «Чёрт», которое принято называть автобиографическим очерком, неоднократно приводятся относительно крупные ИВ. Это стихотворные и прозаические отрывки из литературных произведений в речи самого автора очерка и тех его персонажей, о ком вспоминала М. И. Цветаева. Цитаты тоже являются полными ИВ. В некоторых текстах, например в «Земных приметах», очень много отрывков из стихов французских поэтов. Цитаты в стихах и прозе Цветаева, как правило, не переводит. Это позже сделала ее дочь в процессе подготовки автобиографических произведений к изданию, то есть уже в пятидесятые годы прошлого века. К полным вкраплениям относятся и эпиграфы на иностранных языках, например к «Повести о Сонечке» дан эпиграф — французское вкрапление. Но эпиграфов немного.

В автобиографических произведениях этого автора есть и частичные вкрапления, «представляющие собой слово, словосочетание, предложение или более крупный отрезок иностранного текста, в той или мере (фонетически или морфологически) ассимилированные в языке или включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения» [9, 24] разных типов. Обнаруживаются частичные вкрапления, сохранившие в принимающем тексте исконную семантику, морфологический облик, не имеющие морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Одно слово на всё, да и то не русское, не только не русское, а никаковское, ведь по-французски intelligent — умный» [2, 272]. Частичных ИВ этого типа немного. Гораздо больше частичных вкраплений, приобретших морфологический облик, свойственный русским словам, например входящих в словоизменительную парадигму или в систему согласования. Вот примеры частичных вкраплений, вошедших в словоизменительную парадигму. «Вы бы, если бы жили тогда, убили бы Hudson Low' а» [2, 209]; «...еще выше возносит свою тщательно прибранную, надменную, молодую еще головку маркизы с двумя природными asscoche-coeur' ами» [2, 232]. В данных примерах к иностранным словам добавлено русское падежное окончание. Иногда падежная парадигма окончаниями не выражена, использованы предлоги. Например: «И эта аттестация — в ответ на «petits soins», которыми он окружил отца...» [2, 211]; «Но когда я перехожу к «Invitation à la valse», сердце не выдерживает» [2, 190].

М. И. Цветаева согласовывала члены предложения, выраженные ИВ, с определениями, выраженными

ми русскими словами. Например: «Глубокий *plongeon* дам, живое и плавное опускание волны» [2, 233]; «Подымают глаза: у входа в грот, заслоняя солнце и выход, огромный фавн, то есть тот самый *Monsieur de Gréot*» [2, 248]; «Этого никогда бы не допустила моя *humilité*» [12, т. 2, с. 241].

В исследованных текстах обнаружены частичные вкрапления в русской графике. Они передают акцент нерусских, говорящих по-русски. Среди них есть русские слова в нерусском звуковом оформлении, что оформляется отклонением от русской графической формы. Например, так передан акцент татарина: «Твоя правда, баришня...» [12, т. 2, с. 296]. Есть также русские слова, выступающие в нерусском звуковом оформлении, передающем иностранный акцент, и одновременно переданные с явлением интерференции другого языка, с нарушением законов русской грамматики. Например: «Но монет софсем нофенький!» [2, 153]; «Эту пиштоль мне в России пришлось оставить...» [12, т. 2, с. 186]. Акцент китайца передан нарушением русской орфографии и грамматики: «Харош! — зашивает щели глаз и выкатывает китайские яблочки ноздрей» [12, т. 2, с. 27]. Интересным является ввод в текст частичного вкрапления в русской графике, объясняемого с помощью частичного вкрапления в исконной графике: «Голлидэй есть английское *Holiday* — воскресенье, праздник» [12, т. 2, с. 136]. Совершенно нетипичным для русской культурной традиции и полилингва с образованием, полученным в русской классической гимназии начала прошлого века, является ввод латинского вкрапления в русской графике, к тому же «слепленного» из двух слов: «Нотабене! Вспомнила! Тиц.» [2, с. 269]. Но причин появления такого исключения мы уже не узнаем. При этом читателю дневников М. И. Цветаевой очевидно, что некоторые частичные вкрапления в русской графике подчеркивают абсурдность ситуации, описанной ею, а также возмущение автора по этому поводу: «И все-таки Изольда, любящая еще кого-нибудь кроме Тристана, немислима, и крик Сарры (Маргариты Готье) — «О, л' Амур! Л' Амур!», относящийся еще к кому-нибудь, кроме ее молодого супруга, — смешон» [12, т. 2, с. 276]. Редки случаи ввода в тексты так называемой макаронической речи, но далеко не у всех авторов они есть вообще [3, 4, 11]. М. И. Цветаева макаронической речью передает слова своего сына, который с первых лет жизни находился в языковой ситуации, требовавшей коммуникации попеременно на разных языках, что и отразила автор. Например, в «Повести о Сонечке» Мур использует лексические единицы сразу трех языков: «— *A American Sanday* это ведь ихнее *Dimanche Illustré!*» [12, т. 2, с. 246].

Анализ ИВ в соответствии с классификацией по связанности вкрапления с национально-культурной спецификой текста показал, что в автобиографических текстах М. И. Цветаевой есть вкрапления всех

типов: непосредственно и косвенно связанные с этой спецификой (ИВ 1 разряда) и связанные с ней ассоциативно или не связанные совсем (ИВ 2 разряда).

Большое число вкраплений первого разряда представляют собой онимы всех разновидностей, в основном французские. По-французски Цветаева обозначает топонимы, например название швейцарской деревни: «На тот берег Оки, куда я никак не могу попасть, потому что между нами Ока, еще в *La a Chau de Fonds*, в тётину детство...» [2, 42]. Есть вкрапления-топонимы из других языков: «...синяя открытка от Нади Иловойской из того самого *Nervi*, куда ехали — мы» [2, 45–46]. Оним-вкрапление представляет собой название деревни в Италии, где располагалась колония русских мигрантов. Названия улиц, площадей, гостиниц и т.п., находящихся в зарубежье, М. И. Цветаева передает по традиции ИВ, что наблюдается и у других авторов [4, 11, 13]. Например: «Пятнадцать лет назад, идя в Париже по *Rue du Vas*, где-то у угловой, нишей, витрине антикара — я их увидела» [12, т. 2, с. 214]. Еще пример: «Ввалились в нервийский «*Pension Russe*» — была ночь и страшным глазом горел и мигал никогда не виданный газ...» [2, 47]. Название пансионата обозначено вкраплением. Сразу два вкрапления-онимы в следующем примере: «Я гуляю со своим двухлетним сыном по беллеву'скому парку — *Observatoir' e*» [12, т. 2, с. 246].

Иностранцев Цветаева часто называет на их родных языках, как и персонажей произведений иностранных авторов. Например: «Вы *Malibran* знаете?» [12, т. 2, с. 207]. Речь идет о французской певице. Еще пример: «*Marie-Antoinette!* Вы написали музыку к стихам Флориана, а вас посадили в крепость и отрубили Вам голову» [12, т. 2, с. 318]. Уже доказано, что обычно хорошо знакомые русскому читателю имена современники Цветаевой писали по-русски, относительно новые — в исконной графике. [3, 4, 11, 13] Так сложилась культурная традиция. В текстах М. И. Цветаевой такая закономерность прослеживается слабо. Цветаева пишет так, как считает нужным, по только ей известным причинам вводя в тексты с национально-культурной семантикой онимы в той или иной графике.

Непосредственно с национально-культурной спецификой текста связан ввод французских вкраплений в тексты, где автор описывает свое почти четырнадцатилетнее пребывание во Франции в качестве эмигрантки и передает речь местных жителей французскими вкраплениями. Вот пример из «Китайца»: «...моему рыночному другу-армянину, который молодых зовет «*p' tite soeur*», а пожилых «*p' tite mère*», и даже самую нарядную даму не зовет «*Madame*», в Париже явно хорошо» [12, т. 2, с. 22]. Речь швейцарской родственницы М. И. Цветаевой в «Чёрте» передается французскими вкраплениями, как и их диалоги. Подобные употребления характерны для исследованных текстов.

Косвенно связанные с национально-культурной спецификой текста ИВ также обнаружены в текстах М. И. Цветаевой. В воспоминаниях о матери «Мать и музыка» автор объясняет свое детское восприятие черных пуговиц на материнских башмаках. Они похожи на зрачки французской породы собак — мопса. Отсюда французское вкрапление, косвенно связанное с национально-культурной спецификой текста. «Поэтому они и прюнелевые (prunelle des yeux — мопса)» [2, 76]. Также косвенно связано с национально-культурной спецификой текста французское вкрапление в тексте с ярко выраженной немецкой спецификой («Башня в плюще»). В тексте множество немецких вкраплений, но лифт назван по-французски, на другом официальном языке Швейцарии. «Потом, чтобы у меня был «ascenseur», только не в доме, без дома, в саду...» [2, 145].

Одной из особенностей автобиографических текстов М. И. Цветаевой является относительно большое число вкраплений, ассоциативно связанных с национально-культурной спецификой. Например, в произведении «Мать и музыка» в одной фразе сразу три вкрапления разных типов, ассоциативно связанных с французской спецификой: «Одушевленное туше звучало как бархат, и было коричневое, а так как toucher — трогать, выходило, что я рояль трогаю, как бархат: бархатом: коричневым бархатом: кошкой: patte de velours» [2, с. 54]. Сложная ассоциация подчеркивается необычной пунктуацией автора. В этом же тексте ассоциативно связано с национально-культурной французской спецификой текста вкрапление, которое можно было бы перевести на русский язык без потери смысла фразы, но с потерей обращенности к французской культуре: «А потом, с переводом вещей на человеческое — пожилой мужской фигурой тридцатых годов: тучный, но bien pris dans la taille, несмотря на громоздкость...» [2, 79]. К вкраплениям, ассоциативно связанным с национально-культурной спецификой текста, относятся и немногочисленные эпиграфы, введенные в тексты М. И. Цветаевой.

Не связаны с национально-культурной спецификой текста так называемые узуальные вкрапления, активно используемые многими авторами XIX–XX вв. Они были понятны без перевода всем получившим традиционное гимназическое образование той эпохи и употреблялись в исконной графике. Узуальные вкрапления собраны в уникальном словаре А. М. Бабкина и В. В. Шендецова [14]. В автобиографических текстах М. И. Цветаевой их очень много, например есть общеизвестные латинские вкрапления NB, N, P. S. Некоторые узуальные вкрапления, вошедшие на момент их использования М. И. Цветаевой, уже вошли в словарный состав русского языка. Но Цветаева вводит их в текст в исконной графике: «Нет, она шла va banque, ставила на неизвестное...» [2, 58]. К подобным употреблением относятся и многочис-

ленные музыкальные термины, давно заимствованные русским языком, но данные М. И. Цветаевой в виде ИВ, как полных, так и частичных всех разновидностей. Например: «La-bemol же было для меня пределом лиловизны» [2, 61]; «И уверяю, удар был вовсе не staccat' ный» [2, 73].

Использование французских узуальных вкраплений иногда подкреплялось пребыванием в странах этого языка, то есть узуальные вкрапления иногда оказывались связанными с национально-культурной спецификой текста. Например, непосредственно связано вкрапление в датированном 1934 годом, написанном в Париже и о Париже, произведении «Китаец»: «Что вы продали Madame?» [2, 7]. В других текстах, написанных о суровой жизни в России в 20-е годы, узуальные вкрапления воспринимаются читателем как нечто инородное, например: «Изредка посылки нуждающейся дочери: когда несколько английских фунтов от удачной продажи на Смоленском, когда шелковое платье gris-perle, из только одного шлейфа которого та в Сербии шьет себе целое платье» [2, 201].

Таким образом, функционирование ИВ в автобиографической прозе М. И. Цветаевой связано как с ее полилингвизмом, так и с культурными традициями XIX в. и пребыванием в эмиграции. Несомненно, есть индивидуальные особенности ввода в тексты ИВ, требующие дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саакянц А. А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой / Анна Саакянц. — Москва: Терра: Книжный клуб Книговек, сор. 2016. 348 с.
2. Цветаева М. И. Автобиографическая проза. — Коммент. А. А. Саакянц / М. И. Цветаева. — М.: Сов. Россия, 1991. — 352 с.
3. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в произведениях М. А. Булгакова в лингвострановедческом аспекте / О. Н. Олейникова // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Под ред. Ю. Т. Листровой-Правды. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1994. — 164 с. — С. 50–57.
4. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах художественного стиля А. А. Ахматовой / О. Н. Олейникова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. — 2022. — № 1 (294). — С. 195–199. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_1_195.
5. Чигирин Е. А. Немецкие вкрапления в текстах М. И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Чигирин. — Воронеж, 2022. — 20 с.
6. Пучинина О. П. Иноязычные вкрапления в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М. И. Цветаевой / О. П. Пучинина // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Электронный сборник научных трудов / Под ред. В. М. Панфиловой. Елабуга: Изд. ЕИ КФУ. — 2017. — 236 с. — С. 154–156.

7. Словарь языка русской поэзии XX века: в 8 т. / Под ред. В. П. Григорьева, Л. Л. Шестаковой. — М.: Языки славянской культуры, 2001–2020 гг.
8. Шестакова Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) / Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. — Т. 74. — № 1. — С. 68–76.
9. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. — 144 с.
10. Листрова-Правда Ю. Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века. / Ю. Т. Листрова-Правда. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1979. — 156 с.
11. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах И. А. Бунина разных функционально-речевых стилей / О. Н. Олейникова // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. — Воронеж, 2007. Вып. 28. — 408 с. — С. 177–183.
12. Цветаева М. И. Сочинения. В 2 т. / М. И. Цветаева. — М.: Худож. лит., 1988. — 719 с.
13. Олейникова О. Н. Об одном речевом явлении в текстах О. Э. Мандельштама разных стилей / О. Н. Олейникова. // Воронежское лингвкраеведение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. — 292 с. — С. 47–62.
14. Бабкин А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 т. / А. М. Бабкин, В. В. Шендецов. — 2-е изд., СПб.: КВОТАМ, 1994.

*Воронежский институт МВД Российской Федерации
Олейникова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
E-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russian Federation
Oleynikova O. N., Candidate of Philology, Docent of the
Department of Russian and Foreign Languages
E-mail: oon_2004@mail.ru*